

одним из ведущих мировых экспортеров зерна, после 1914 г. она оказалась не в состоянии прокормить свой собственный народ. Основной причиной, вызвавшей продовольственный кризис, была первая мировая война. Как считает Л. Ли, вследствие войны из производственного процесса были отторгнуты миллионы людей, «не работал» экономический стимул развития производства (с. 8—9).

Большое внимание Л. Ли уделяет анализу продовольственной политики царского правительства, особо останавливаясь на расхождениях, существовавших в российском обществе по этому вопросу. По его мнению, продовольственный кризис был одной из составляющих общенационального кризиса, который охватывал также транспортную сеть, рынок и политическую власть (с. 57).

Л. Ли рассматривает изменение политического курса страны, смену политической стратегии в контексте политологической теории «двух логик». В период экономического упадка (breakdown) для политической системы характерна анархия в области международных отношений, на этапе же оживления, «реконструкции» (reconstitution) страна обретает международное признание, завоевывает авторитет.

Интерес представляет и «диалектический» подход автора к анализу феномена большевизма как разрушительной, центробежной (centrifugal), и как центростремительной (centralizing) силы, способствовавшей национальному, в том числе экономическому, возрождению страны.

Обосновывая актуальность изучения продовольственной политики в России в 1914—1921 г., Л. Ли подчеркивает преемственную связь с ней политики правительства М. С. Горбачева, который шестьдесят пять лет спустя сделал нэп символом перестройки. Именно поэтому, полагает Л. Ли, усилился интерес на Западе и в Советском Союзе к первым послереволюционным годам. Книга Л. Ли может рассматриваться в контексте ретроспективного осмысления причин современных кризисных явлений в нашей стране.

Н. Б. Селунская, Е. Б. Шашина

Примечания

* Immonen H. The Agrarian Program of the Russian Socialist Revolutionary Party. 1900—1914. Helsinki, 1988; 170 p.; Lih L. T. Bread and Authority in Russia. 1914—1921; University of Columbia Press. Los Angeles; Oxford, 1990. XVIII. 304 p.; Worobec C. D. Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipation Period. Princeton University Press. Princeton, 1991. XIV. 258 p.

¹ При написании этой работы Х. Иммонен консультировался с известными американскими специалистами в области аграрной истории России Т. Эммонсом и Д. Аткинсоном.

² Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Кн. 1. 1924.

³ К. Воробек в данное время занимает должность профессора-ассистента истории в Кентском государственном университете. Ее докторская диссертация и ряд статей, опубликованных в различных научных журналах США и Канады, были посвящены таким проблемам, как обычное право, порядок наследования собственности среди крестьян, положение женщины в крестьянской семье.

⁴ См.: Atkinson D. The End of the Russian Land Commune. 1905—1930. Stanford, 1983; Hoch S. L. Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, a Village in Tambov. Chicago, 1986; Shinn W. T. The Decline of the Russian Peasant Household. N. Y., 1987.

⁵ К. Воробек часто ссылается в своей книге на труды таких исследователей народного быта, как И. Добротворский, И. Тютрюмов, А. Балов, А. Исаев, А. Ефименко и др. Среди советских историков, работы которых она использует, необходимо назвать В. А. Александрова, А. М. Алфимова, М. М. Громыко, Б. Н. Миронова.

⁶ В начале 80-х гг. Л. Ли имел возможность работать в Центральном государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге и Центральном военно-историческом архиве в Москве, материалы которых стали одним из основных источников для написания его книги.

В. ПАРАВИЧИНИ, ПРУССКИЕ ПОХОДЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЗНАТИ.

Зигмаринген, 1989*

Книга современного немецкого исследователя В. Паравичини (Кильский университет) уникальна¹. Она посвящена малоизученному аспекту истории как Немецкого ордена и его государства в Пруссии, так и ряда европейских стран в XIV — начале XV в. События этого исторического периода тесно

связаны и с историей народов нашей страны, прежде всего с историей Великого княжества Литовского. Речь идет о походах на Литву, предпринимаемых в русле экспансионистской политики Немецкого ордена, стремившегося, приравняв литовцев к язычникам, под видом христианизации распространить свою власть и на этот регион Восточной Прибалтики. Несмотря на то, что на протяжении XIII—XIV вв. великие князья литовские Миндовг (конец 1230-х гг. — 1263), Гедимин (1316—1341) и Ягайло (1377—1434) в интересах политической независимости Литвы в качестве тактических шагов и продумывали возможность обращения своих народов в католическое христианство, походы на Литву как самих рыцарей Немецкого ордена, так и поддерживавшей их европейской знати не прекращались на всем протяжении XIV и в начале XV в. Пруссия, на территории которой сформировалось государство Немецкого ордена, как магнит, притягивала знатных крестоносцев европейских стран. Крепость Кенигсберг, один из оплотов Немецкого ордена в Пруссии, превратилась в центр, к которому стягивались лучшие силы европейского рыцарства.

Походы европейской знати на Литву приобретают в то время более масштабное политическое звучание, если принять во внимание, что в XIV в. история постоянно расширяющего свои границы и усиливающегося Великого княжества Литовского неотделима от истории Польши и Южной и Юго-Западной Руси. Для немецкого рыцарства литовские походы были продолжением экспансии на Восток, для представителей рыцарства других европейских стран они зачастую оказывались продолжением крестовых походов и борьбы с иноверцами, как это было с маврами в Испании, берберами в Северной Африке, турками в Венгрии и Малой Азии. Таким образом, прусские походы европейской знати, ставшие массовым явлением позднего Средневековья, можно отнести к событиям общеевропейского масштаба, хотя в исторических исследованиях о крестовых походах их обычно обходят молчанием.

В. Паравичини впервые в международной исторической науке поставил перед собой задачу изучения этой увлекательной и важной темы. В ряде опубликованных им в 80-е гг. статей нашли освещение ее отдельные аспекты². В сфере внимания исследователя — прежде всего такие страны, как Франция, Англия, Шотландия. Они занимают особое положение среди европейских стран, так как на их территориях у Немецкого ордена не было никаких (или очень незначительное, как, например, во Франции) земельных владений. Историк не без основания полагает, что именно на примере этих стран феномен прусских походов предстает в его наиболее классическом виде.

Исследование строится на широкой источниковой основе: в нем используются как опубликованные нарративные и дипломатические источники, так и архивные материалы из хранилищ многих европейских стран — разнообразные грамоты, казначейские отчеты и т. п. Большинство из них впервые вводится в научный оборот. Чрезвычайно интересны те разделы исследования, в которых в качестве исторического источника выступает геральдика.

В главе I В. Паравичини излагает концепцию своего исследования, намечает его перспективу и в связи с этим — его общую структуру. Сложность работы над темой заключается в том, что источники по истории прусских походов не являются самостоятельными: сведения о них не лежат на поверхности, но вплетены в канву более масштабных событий, и исследователю надо обладать особой наблюдательностью, проницательностью и терпением, чтобы вычленив относящиеся к теме данные, дать им толкование и привести в систему.

По замыслу автора, исследование в завершеном виде будет состоять из трех томов. Рецензируемая работа представляет собой первый том, включающий 6 глав. Во втором томе историк предполагает обратиться к собственно походам в Литву и той роли, которую там играли их участники; проанализировать как финансовую сторону прусских походов и их мотивы, которым руководствовалась европейская знать, так и причины, по которым они, наконец, потеряли свою притягательную силу. Третий том задуман как собрание документов — не только оригинальных текстов (с указанием неопубликованных источников), но и основанных на них таблиц и списков. В приложении намечено представить карты, схемы и иллюстрации и снабдить все три тома единым указателем.

В главе II, определяя хронологические рамки прусских походов, исследователь попутно выявляет и причины оживления походов в Пруссию, превратившихся, по его замечанию, в еще одну Столетнюю войну. 70—80-е годы XIII в. знаменуют некоторый перерыв в действиях крестоносцев в Пруссии, связанный, надо полагать, с окончательным покорением Пруссии. В 1291 г., когда последний оплот крестоносцев в Святой Земле — Аккон — вновь оказался в руках «неверных», резиденция великих магистров Немецкого ордена была перенесена в Венецию, а позднее (в 1309 г.) — в Мариенбург (Пруссия). С этих пор на протяжении столетия именно здесь разворачиваются главные события истории Немецкого ордена. Этот северный крестовый поход становится делом не только Германии

и Немецкого ордена, но в него постепенно вовлекается почти вся Европа. Расширение географии стран — участниц походов в Пруссию находит отражение в двух опубликованных в работе таблицах, охватывающих XIV — начало XV в.

III и IV главы образуют раздел, посвященный участникам крестовых походов. В III главе на первый план выступает историко-географический аспект проблемы: автор прослеживает, как на протяжении XIV—XV вв. в походах на Литву участвует все больше европейских стран: вначале немецкоязычных (Нижний Рейн, Голландия, Фландрия и т. п.), затем — романоязычных (Намюр, Люксембург, Лотарингия), далее — Франция, Италия, страны Иберийского полуострова, Скандинавия, Англия, Шотландия, Польша. Историков-русистов не могли не заинтересовать сведения о походах европейской знати и на Русь. Так, рыцарь Дитрих фон Эльнер (Dietrich von Elner, ум. 1357 (1361)), трижды участвовавший в прусских походах, в 1348 г. вместе с королем Норвегии и Швеции Магнусом VII принял участие в походе против Новгородской Руси и штурмовал крепость Орехов, после чего вернулся через Ливонию в Пруссию, а оттуда выступил в «большой поход» на Литву. Голландский рыцарь Ринк Бокема цу Снеек (Rienk Boekema zu Sneek) зимой 1392/93 г. присоединился к герцогу Вильгельму I гельдернскому (ум. 1402), и вместе с ним участвовал в захвате города Гродно.

В главе IV участники крестовых походов предстают в социальном аспекте. Делаются выводы об их положении в средневековом обществе, об их возрасте и фамильных традициях участия в этих походах. Выносятся и статистическая оценка — собранный исследователем материал позволяет ему проследить частоту посещения Пруссии отдельными рыцарями и группами рыцарей, подсчитать численность участников прусских походов в разные «сезоны» и свести эти данные в подробные таблицы. В. Паракичини подчеркивает, что прусские походы были в отличие от крестовых походов или паломничеств в Рим, Сантьяго, Кентербери, в которых участвовали представители разных социальных групп, ориентировались исключительно на европейскую знать, имевшую, впрочем, весьма широкий в социальном плане диапазон: от бедного рыцаря до князя и короля. Состав участников не однороден для разных европейских стран. По социальному признаку исследователь различает четыре группы участников: короли, князья и их близкие родственники; высшая знать; низшая знать; городская знать. Анализ каждой группы сопровождается подробными таблицами. Возрастные рамки, по наблюдению историка, — от 20 до 40 лет, но преобладает возрастная группа 20—25 лет. Приводятся таблицы, иллюстрирующие участие в прусских походах целых семей европейской знати, для которых это стало семейной традицией (ближайшее окружение верховного магистра Винриха фон Книпроде, немецкий род фон Эльнер, фламандский — фон Гистель, английские фамилии Уфффорд-Суффолк и Бошамп-Варвик, французская — де ля Тремойль).

В V главе прослеживаются маршруты, которыми участники походов добирались по Пруссии, как морские, так и сухопутные. Наиболее массовым был путь по Балтийскому морю. Сухопутные маршруты тянулись с северо-запада, юга и юго-запада — от Кёльна и некоторых других немецких городов, например, Аахен — Дюрен — Кёльн — Любек — Данциг, а также от Венеции. Причем последний путь пересекал с юга на север территорию Руси.

Наконец, VI глава посвящена пребыванию рыцарей в Пруссии. Прибывавшие в государство Немецкого ордена участники крестовых походов собирались в Кенигсберге, отправном пункте походов на Литву, а также в Мариенбурге (столице великих магистров) или в таких крупных городах, как Данциг, Эльбинг или Торунь. В этой главе тема получает освещение в нескольких аспектах. Автора интересуют не только условия пребывания рыцарей в этих городах, но он затрагивает и краеведческие, историко-географические и политические вопросы. Глава насыщена выдержками из нарративных исторических источников и множества впервые использованных документов, на основе которых вырисовывается облик прусских городов XIV—XV вв., их жизненный уклад. Немалое внимание уделяет автор социальным аспектам жизни прусского города. Особенно тщательно исследует он социальные вопросы в связи с историей Кенигсберга, «Остановившись на проблеме так называемого колониального общества» Пруссии, единственным современным источником для ее изучения В. Паравичини называет аллегорическое сочинение Филиппа де Мезьера (законченное в 1389 г.), где этот автор различает три типа прусских монет, будто бы имевших хождение соответственно среди трех различных социальных слоев Пруссии.

Яркая картина времяпрепровождения европейских рыцарей предстает из раздела о кёнигсбергских «сезонах»: различные празднества, рыцарские турниры, охота и пр. В Данциге существовал так называемый Двор короля Артура, где собирался цвет европейского рыцарства. Особый раздел главы посвящен «почетному столу», явлению уникальному, по определению автора, во всей Европе,

являющемуся особенностью прусских походов. Этот раздел целиком состоит из подборки в хронологическом порядке фрагментов немецких, французских, английских и польских источников.

Книга В. Паравичини, впервые в исторической науке являя собой синтез указанной темы, основанный на изучении множества исторических источников (в самом широком понимании этого слова), представляет собой несомненную научную ценность. В ней впервые выдвигается в центр столь необычный для исследований, посвященных истории Немецкого ордена, аспект европейской истории эпохи Средневековья. Автором собран, классифицирован и синтезирован огромный документальный материал о прусских походах европейской знати, что надолго сделает монографию В. Паравичини незаменимым справочным изданием для всех исследователей, занимающихся данной тематикой. Уже в этом немалая заслуга автора. Богатый фактический материал трактуется историком многопланового и представляет ценность для любого из аспектов исторического исследования, будь то политический, социально-экономический или культурный.

Однако, думается, еще большее значение представляет эта монография для дальнейших исследований, поскольку, синтезируя результаты работы в данной области, автор одновременно создает и основу как для нового осмысления отдельных аспектов проблемы, так и для постановки новых проблем. Особое значение приобретает данное исследование в силу того, что оно весьма удачно сочетает материал, работающий на изучение региональной истории, истории отдельных стран и средневековой Европы в целом. Поэтому можно с уверенностью сказать, что книга В. Паравичини, сама по себе являясь несомненным шагом вперед в изучении истории Немецкого ордена в Пруссии, в то же время открывает новые горизонты для историков-медиевистов разных специальностей. Ее перевод на русский язык можно было бы только приветствовать.

В. И. Матузова

Примечания

* Paravicini W. *Die Preussenreisen des europäischen Adels. Teil. 1.* Sigmaringen: Jan Thorbecke Verlag, 1989. 396 S.

¹ Из работ по данной тематике укажем здесь несколько, посвященных походам в Пруссию английской знати: Borowy W. *English Visitors to Prussia, Lithuania and Poland in the Fourteenth Century* // *Baltic Countries* 2 (1936). P. 247—252; Boulay F. R. H. *du. Henry of Derby's Expedition to Prussia 1390—1391 and 1392* // *The Reign of Richard II. Essays in Honour of May McKisack* // Ed. F. R. H. du Boulay and C. M. Barron. London, 1971, P. 153—172; Keen M. *Chaucer's Knight, the English Aristocracy and the Crusade* // *English Court Culture in the Late Middle Ages* / Ed. V. J. Scattergood and J. W. Sherborne. London, 1983. P. 45—61.

² Paravicini W. *Die Preußenreisen des europäischen Adels* // *Historische Zeitschrift* 232 (1981), S. 25—38; idem. *Edelleute, Hansen, Brugger Burger: Die Finanzierung der westeuropäischen Preußenreisen im 14. Jahrhundert* // *Hansische Geschichtsblätter* 104 (1986). S. 5—20; idem. *Heraldische Quellen zur Geschichte der Preußenreisen im 14. Jahrhundert* // *Ordines militares IV.* Thorn, 1987. S. 111—134.

ТРУДЫ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА, ПОСВЯЩЕННОГО ТЫСЯЧЕ- ЛЕТИЮ ХРИСТИАНСТВА НА РУСИ-УКРАИНЕ. Изд. О Прицак и И. Шевченко при участии М. Лабунки (гарвардские украинские исследования. Т. XII/XIII. 1988—1989). 894 с

Тысячелетний юбилей принятия христианства Русью оставил заметный след в историографии. Одним из событий научной жизни, связанных с празднованием, стала Международная конференция, проведенная в Равенне. Рецензируемый том «Трудов» — весомый плод работы этого научного форума.

Ряд его статей посвящен византийскому миссионерству и начальным этапам христианизации стран Европы и Кавказа.

Д. Дьерффи показывает, что венгерские племена рано познакомились с христианством, к принятию же этого вероучения, они как и многие другие народы, были побуждены политическими обстоятельствами после переселения в Центральную Европу. Автор подчеркивает, что в христианизации Венгрии участвовали и латинский Запад, и Византия (с. 74). Говоря о христианизации польских земель, Е. Ключовский отмечает, что следы распространения византийского влияния и славянского